

М. С. Даниелян

Разделение между умственным и физическим трудом и автоматизация производства

Вопрос о соотношении между умственным и физическим трудом на протяжении веков занимал умы социологов, философов, экономистов. Ученые не могли пройти мимо факта разделения труда на два больших подразделения, не могли не видеть тяжелых последствий этого разделения, а наиболее передовые из них чувствовали себя обязанными найти пути преодоления порождаемой этим разделением противоположности интересов представителей умственного и физического труда.

Однако эти вопросы не могли быть правильно освещены, а фактическое положение вещей изменено до тех пор, пока не были осмыслены основные, ведущие закономерности развития общества. Истоки противоположности между умственным и физическим трудом, их обусловленность определяющими экономическими и классовыми противоречиями общества, основанного на частной собственности на средства производства, были впервые выявлены марксистско-ленинским учением. Классики марксизма-ленинизма в своих трудах указали реальные пути преодоления этой противоположности и наметили перспективы развития соотношения между умственным и физическим трудом, в особенности, в соответствии с тенденцией дальнейшего развития производительных сил, и, в частности, техники и технологии, при новой, социалистической формации.

Для правильного понимания проблемы соотношения между умственным и физическим трудом важнейшее значение имеет определение этих категорий. На этом вопросе тем более необходимо особо остановиться, потому что в нашей литературе трудно найти более или менее четкое определение этих категорий. Более того, понятия «умственный» и «физический» труд нередко используются не в своем действительном значении. А это неизбежно приводит к тому, что некоторые философы и социологи-марксисты выражают сомнение в правомерности использования этих категорий в научной литературе¹.

Марксистско-ленинское определение этих категорий вытекает из их производственно-общественной характеристики и той функции, которую они выполняют в процессе производства. Труд, затраченный на «собст-

¹ Так, английский марксист Э. Грант в своей работе «Социализм и средние классы» (ИЛ, М., 1960 г.), справедливо отмечая «разное значение» и «неточность» терминов «физический» и «нефизический» труд, предлагает вообще отказаться от этих терминов, считая, что они вносят ненужную путаницу при разрешении ряда актуальнейших вопросов современности.

венно материальное производство» (Маркс), — в условиях машинной техники на непосредственно материальное производство, — является трудом физическим. Труд, затраченный на организацию, руководство, надзор над общественным производством и его отраслями, на выполнение различных общественных, государственных и т. д. функций, является трудом умственным. Умственный труд обслуживает общество различного рода политическими, общественными идеями, научными, техническими, технологическими и т. д. знаниями, принципами организации и руководства обществом и производством; умственным трудом создаются произведения искусства и литературы².

Марксистское определение труда направлено прежде всего против неверного и, тем не менее, распространенного в устной пропаганде мнения, утверждающего, что физический труд отличается от умственного лишь тем, какого рода человеческие «естественные» силы приводятся в действие. Согласно этому мнению, физический труд определяется «работой» мускулов, умственный — «работой» нервных клеток. Кроме того, вышеприведенная формулировка позволяет предостеречь от сведения физического труда к труду ручному, т. е. к такому труду, когда рабочий обязательно должен держать в своих руках предмет труда, а также от отождествления физического труда как категории общественно-производительной с тяжелой, физически изнуряющей работой. Теоретическая ошибка, являющаяся результатом такого отождествления, имеет более глубокое значение, чем это можно было бы ожидать. Дело в том, что коммунистическое общество предполагает ликвидацию как тяжелого физического (а затем и всякого неквалифицированного) труда, так и ручного труда³. Поэтому отождествление категории физического труда с тяжелым физическим или ручным трудом невольно ориентирует нашу общественность на ликвидацию физического труда вообще, а это наносит чувствительный урон делу воспитания подрастающего поколения. Поэтому только вышеприведенное определение позволяет разобраться в вопросе об изменении содержания этих категорий и их соотношения в связи с естественно-необходимым процессом развития орудий труда, техники, технологии и т. д.

Общеизвестно, что труд в своем первоначальном определении, как создатель потребительских стоимостей — это первое и основное условие

² Категории умственного и физического труда в определенных чертах сходны с категориями производительного и непроизводительного труда. Однако их отождествление неправомерно. Не говоря уже о том, что, согласно Марксу, категории производительного и непроизводительного труда генетически связаны с капиталистическим способом производства, в то время как разделение между умственным и физическим трудом это результат более ранних этапов развития общественного производства, более важное значение в различении этих двух пар категорий имеет следующее: разделение между умственным и физическим трудом определяется содержанием труда, ее потребительской стоимостью, между тем как производительный труд отличается от непроизводительного в зависимости от того, производит ли труд прибавочную стоимость.

³ См. Программа Коммунистической партии Советского Союза (проект), Госполитиздат, 1961, стр. 68.

жизни людей, постоянная естественная необходимость, существующая при всех общественно-экономических формациях. Без труда был бы невозможен «обмен веществ между человеком и природой»⁴ и, следовательно, была бы невозможна человеческая жизнь.

Присвоение продуктов природы обществом основывается на использовании людьми тех «естественных» природных сил, которыми располагает человеческий организм, а именно сенсомоторных и интеллектуальных способностей человека. Характер этих «естественных» сил, приводимых в действие человеком в процессе труда, послужил биологической предпосылкой возможности общественного разделения труда на два больших подразделения — на умственный и физический труд.

Однако было бы глубоко ошибочно определять умственный и физический труд на основе биологической предпосылки. «Расходование человеческой энергии в физиологическом смысле слова»⁵ — это лишь одна сторона труда, которую не следует абсолютизировать, тем более тогда, когда речь идет об общественных подразделениях труда. Имея в виду эту физиологическую сторону в плане поставленного вопроса, можно определить лишь то, приводятся ли в действие в данном акте труда, в работе, главным образом, интеллектуальные или сенсомоторные способности человека, затрачивается ли преимущественно физическая или нервная энергия и т. п. (Речь идет о преимущественности, ибо всякая работа обязательно предполагает трату как нервной, так и физической энергии, применение как интеллектуальных, так и сенсомоторных способностей человека).

Но совершенно очевидно, что физиологическая характеристика действия не может служить основой определения рода, вида труда, его полезности, значимости, роли, функции в общественном производстве и, следовательно, с помощью этой характеристики невозможно определить такие общественно-производственные категории труда, какими, в частности, являются физический и умственный труд.

Качество труда, а также его конкретная полезность определяется другой его стороной, а именно тем, что всякий труд есть расходование человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме⁶. Эта сторона труда и имеет решающее значение для определения различия в его роде, виде, в том числе, различия между его двумя большими подразделениями.

Различие между умственным и физическим трудом возникло уже на самых первоначальных стадиях эволюции человеческого общества, отличающихся, как известно, чрезвычайно низким уровнем развития орудий производства. И, вследствие того, что на этих ранних ступенях человек использовал в основном свои собственные «естественные» силы, — умственные и физические способности, — то для различия этих общест-

⁴ К. Маркс, Капитал, Госполитиздат, т. 1, 1950, стр. 49.

⁵ Там же, стр. 53.

⁶ См. там же.

венных подразделений труда важное значение имела физиологическая характеристика работы. Однако даже для самых ранних ступеней развития человечества эта физиологическая характеристика не может служить определяющим принципом различения категорий умственного и физического труда, ибо труд, с самых первых своих проявлений, имел общественно-экономический характер.

Неправильность «физиологического» подхода становится тем очевидней, если иметь в виду процесс осуществления общественного разделения труда, связанный с возникновением частной собственности, государства и классов. Социальный и классовый характер этого разделения ярчайшим образом проявился в происшедшем отчуждении функций умственного труда от производителя и закреплении их за экономически и политически господствующим классом. И этот характер разделения между умственным трудом в обществе не оставляет сомнений в том, что физиологический принцип различения умственного труда от физического, который оставляет в тени не только собственно-производственную и социальную сущность, но, что особенно важно, классовое содержание этих категорий, непригоден для их определения.

Поэтому утверждение в том, что физический труд предполагает трату преимущественно физической мускульной энергии, приведение в действие сенсомоторных способностей человека, а труд умственный — по преимуществу интеллектуальной, сложно-нервной, мозговой, справедливо лишь в плане биологического генезиса этих категорий: такое определение можно отнести к работе, к акту труда, а не к социальным подразделениям человеческой деятельности.

Умственный и физический труд — это два больших подразделения, два рода общественно-производственной деятельности людей. Поэтому, естественно, что эти два подразделения различаются не только в связи с тем, приводится ли в действие сенсомоторная или интеллектуальная способность человека, а прежде всего в зависимости от той функции, которая принадлежит им в исторически сложившейся системе труда.

Общественно-производственная деятельность людей имеет две стороны: планирующую и производящую, первая из которых предшествует второй: всякий процесс производства продукта предполагает идеальное построение этой вещи в голове и лишь затем его материальное воплощение. «...Самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, — писал К. Маркс, — что прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове»⁷.

Изменение и развитие содержания планирующей и производящей деятельности, их разделение в масштабах всего общества, а также в сфере непосредственного производства, их возможное частичное совмещение или сочетание в зависимости от развития техники или изменения социального строя — не может исключить какую-либо из этих двух сторон. И если подойти к характеристике категорий умственного и физиче-

⁷ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 185.

ского труда с точки зрения их общественно-производственной значимости, то, очевидно, что именно эти две стороны общественно-производственной деятельности легли в основу общественного разделения труда на два больших подразделения.

Под умственным трудом в общественно-производственном отношении следует понимать планирующую деятельность человека, которая совершается в основном благодаря функции мозга, но не самой функции мозга. Под физическим трудом — производящую деятельность человека, совершаемую благодаря функции двигательной системы, но не самой эту функцию. Оставляя в стороне вопрос о классовой сущности этих категорий, отметим, что именно вследствие сказанного, лишь общественно-экономическая характеристика отражает важнейшую сторону содержания этих категорий и позволяет вскрыть эволюцию этого содержания в связи с изменением и развитием общественного строя и орудий труда.

Еще в период господства ремесленного производства обязательную трату мускульного труда или одинаковую степень его траты можно было усмотреть отнюдь не для всех видов деятельности, отнесенных к категории физического труда. Уже тогда тяжелый труд каменотеса отличался в плане траты энергии мышц от напряженного и, может быть, не менее изнуряющего, но, однако, не специфически мускульного труда швеи. Тем не менее каменотес и швея с равным правом входили в категорию работников физического, ручного труда. С другой стороны, труд скульптора предполагал и предполагает по сей день значительную трату физической энергии. Но ни раньше, ни теперь ваение не считалось физическим трудом.

Для мануфактурного периода момент траты физической мускульной энергии сохраняет еще меньший смысл для определения категорий физического и умственного труда. Физический труд в этот период приобретает одностороннюю специализацию, планирующая же потенция ручного, ремесленного труда определяется в функцию надзора и управления мануфактурой. В недрах мануфактуры рождается качественно новое разделение труда, изменяющее общественно-производственное содержание этих категорий. В условиях машинной техники это изменение общественно-производственного содержания служит основной характеристикой для определения понятий «умственный» и «физический» труд. Это изменение в еще меньшей степени допускает принцип определения умственного и физического труда в зависимости от приложения «естественных» человеческих сил: между человеком и природой становится машина, которая во многом заменяет и изменяет человеческий труд. В отношении категорий людей физического труда его изменение приводит к тому, что в изнурительном труде «частичного» рабочего, производящего однообразную дробную операцию на капиталистическом предприятии, оснащенном машинами, трата мускульной энергии значительно сокращается, чем при производстве того же предмета с помощью ручного орудия. В то

же время убыстренный ритм работы, ее однообразие способствует чрезмерной напряженности, приводит к большой трате нервной энергии.

Кроме того, в условиях машинной техники закрепляется рожденное мануфактурой новое разделение труда в сфере производящей деятельности, в той сфере, которая раньше предполагала деятельность людей физического труда: планирующая потенция самого процесса производства отделяется, отчуждается от непосредственно производящей. Однако и теперь материальное богатство выступает как результат совокупного труда—умственного и физического: за умственным трудом сохраняется организующая и планирующая функция самого процесса производства, за физическим — непосредственно производящая.

Это отделение, отчуждение возможно благодаря тому важному обстоятельству, что физический труд, как производящая деятельность и умственный — как планирующая, лишь связаны соответственно с сенсомоторной и интеллектуальной способностью, с функцией мышц или мозга, но не являются самими этими способностями, самими этими функциями. Происходит не биологическое отчуждение — оно было бы невозможно,—а общественно-производственное разделение труда на две категории, каждой из которой отводится определенная общественно-производственная (а не биологическая) функция. Причем,— и это наиболее важно для освещения соотношения между умственным и физическим трудом,— в условиях капитализма каждая из этих функций «навечно» закрепляется за социально-определенной группой людей. Функции умственного труда в самом процессе производства монополизируют в основном представители имущих классов, оставляя на долю трудящихся функцию физического труда. Такое закрепление функций за классово-определенными группами общества влияет в свою очередь на духовную и физическую организацию людей, приводит к одностороннему развитию человеческих способностей, к калечанию единого по своей природе человеческого организма. Тем не менее очевидно, что ни изменение характера соотношения приводимых в действие человеческих способностей, ни «пространственное» отделение умственного труда от физического в самом процессе производства, ни, наконец, социальная, классовая основа этого отделения не изменяет существа категорий умственного и физического труда, их функции, роли, значения в процессе общественного производства. Рассмотрение категорий умственного и физического труда в условиях домашнего и машинного производства демонстрирует не только эволюцию этих категорий в смысле потери ими исходного физиологического значения; становится совершенно ясно, что эти названия используются в переносном смысле и служат определениями двух больших и далеко неоднородных подразделений человеческой деятельности, различающихся по их функции в общественной системе труда.

* * *

Создание автоматической техники приводит к тому, что связь категорий умственного и физического труда с их биологической основой те-

ряется почти полностью. И не только это; если в предшествующий период (особенно в период ремесленного производства) труд физический, производящий был обязательно ручным, то на автоматах оператор даже не касается руками предмета, который он производит. И лишь в этом смысле рабочий у автомата уже не принимает прямого, непосредственного участия в процессе производства.

Для процесса автоматического производства характерно и другое. По своему назначению автомат объединяет планирующую и производящую функцию самого процесса производства, умственный и физический труд, разъединенные в условиях машинного производства. Автомат на современном этапе, с одной стороны, заменяет физический труд, расходуемый ранее на питание машины, транспортировку материала и полуфабрикатов внутри цеха, пуск и остановку отдельных органов машин и т. д., с другой стороны — определенные участки умственного труда, выполняемого как рабочим, так и техническим руководством предприятия. В своей книге «Автоматизация и общество»⁸ Ян Ауэрхан подчеркивает частичный характер этого соединения при современном уровне автоматизации. Дальнейшее развитие автоматизации приведет, безусловно, к расширению сферы сочетания умственного и физического труда в машине, — эта тенденция имеет далеко идущие перспективы. Однако значит ли это, что автоматизация сама по себе уничтожает существенное различие между умственным и физическим трудом и, тем более, «автоматически» снимает проблему разделения труда между производящей и планирующей деятельностью, между умственным и физическим трудом?

Вряд ли следует более или менее подробно останавливаться на анализе той точки зрения, что дальнейшее развитие автоматизации сведет все общественное производство к нажатию «кнопки», которое снабдит в последнем счете все общество всеми духовными и материальными благами. Эти мнения не только «ликвидируют» физический труд, но и вольно или невольно ведут к отрицанию труда вообще, а вред подобной точки зрения очевиден. «Коммунистическое общество, основанное на высокоорганизованном производстве и развитой технике, — записано в новой Программе КПСС, — изменяет характер труда, но не освобождает членов общества от труда. Оно отнюдь не будет обществом анархии, безделья и праздности»⁹. Труд является священной обязанностью каждого члена общества, причем уважаем и почетен труд на благо общества как умственный, так и физический¹⁰.

Что же касается проблемы разделения труда, то в этой связи важно выяснить вопрос о том, (1) сохраняется ли различие между умственным и физическим трудом (как производящей и планирующей деятельностью вообще) и (2) каковы перспективы разделения труда в обществе, осуществившем предельно возможную автоматизацию. Это узловые вопросы проблемы определения соотношения между умственным и физиче-

⁸ См. Ян Ауэрхан. Автоматизация и общество. Соцэкгиз, 1960, стр. 12.

⁹ Программа КПСС (проект), стр. 65.

¹⁰ См. там же, стр. 119.

ским трудом, и не случайно, именно в связи с ними буржуазные социологи громоздят не столько теоретические, сколько политические «ошибки», пытаясь представить автоматизацию производства как панацею от всех социальных зол и бедствий капиталистического общества.

То, что умственный труд сохраняется при любой степени автоматизации, — в этом, по-видимому, не может возникнуть серьезных сомнений.

Правда, в статьях по кибернетике (главным образом зарубежных) высказывается мнение относительно того, что «автоматический мозг» по своим потенциям может превзойти даже самые гениальные творческие возможности человека. Но подобные утверждения плод скорее увлечения, чем науки. Ведь авторам этих статей заведомо известно, что «мозг» автомата создается умом человека и в смысле его конструирования и в смысле его деятельности. Действительно, чего бы стоил «мозг» переводной машины, если бы филологи и математики не подготовили бы самым тщательным образом программу перевода? И не только это. С. Анисимов и А. Вислобоков в своей статье «Некоторые философские вопросы кибернетики» приводят веские доводы против «очеловечивания» более сложной «познавательной» деятельности электронного мозга. Возражая Д. М. Маккею, который считает, что электронносчетная машина якобы вырабатывает понятия, они пишут: «...автоматы, «отражая» цифрой новую группу воздействий, выполняют волю человека, составившего программу; значки и символы, выдаваемые автоматом на своих выходных устройствах, задолго до работы автомата выработаны людьми. И если автомат «отразит» новую группу сходных восприятий, то это будет означать, что человек с помощью автомата как бы ощутил новые воздействия внешнего мира»¹¹. Автомат, как бы совершенен он ни был, не может полностью заменить интеллектуальную планирующую деятельность человека. Он может быть лишь использован для ее облегчения и усовершенствования, для частичной замены умственного труда. Что же касается общественного разделения между умственным и физическим трудом, то в этом вопросе автоматизация в еще меньшей степени может «спасти» человечество. Развитие орудий труда (в том числе и автоматизация) приводит к облегчению, а затем, по-видимому, к более или менее серьезной трансформации характера умственной и физической деятельности (работы). Но разве проблема общественного разделения труда, закрепления его видов за классово-определенными группами может быть разрешена на основе одной лишь автоматизации, путем трансформации характера труда?

Несколько иначе обстоит дело с ликвидацией физического труда, и поэтому на этом вопросе следует остановиться особо.

Выше уже была сделана попытка показать, что физический труд в своем первоначальном значении, как труд специфически мускульный и специфически ручной, начинает «исчезать» по мере развития человеческой цивилизации, а с созданием автоматической техники исчезает поч-

¹¹ Коммунист, № 2, 1960 г., стр. 113—118.

ти полностью. Но означает ли уничтожение мускульного, ручного труда уничтожение физического труда, как производящей деятельности? Чтобы ответить на этот вопрос, имея в виду даже одну техническую его сторону (т. е. не говоря о последствиях капиталистических методов внедрения автоматизации), необходимо учесть следующие обстоятельства.

Автоматическая техника, в том числе и наивысшая из мыслимой, тем не менее не может абсолютно исключить сборку, наладку, ремонт (особенно если речь идет об уникальных автоматах) на тех или иных участках производства. Даже если предположить, что и эти процессы на определенных участках будут в свою очередь автоматизированы (это уже теперь становится не только тенденцией, но и реальным достижением техники), то естественно предположить, что в сборке, ремонте, наладке будут нуждаться автоматы, делающие автоматы и т. д. и т. п. И если исчезнет необходимость в каком бы то ни было непосредственном участии рабочего в процессе производства, то и это не означает, что исчезнет необходимость производства людьми вообще. На каких-то участках, в тех или иных отраслях, в меньших или больших подразделениях производства автоматы будут проектироваться в головах людей и производиться людьми... если не при помощи рук, то по крайней мере при помощи автоматов. Пожалуй, даже самому изощренному фантасту еще не пришла в голову мысль о том, что все мировое производство может быть осуществлено при помощи «себя производящего» автомата. Такой фантаст был бы недалек от идеи создания «вечного двигателя» общественного производства. Можно категорически утверждать, что при любом уровне развития автоматической техники, при любом характере работы производить (так же как и планировать) будут люди, а не автоматы. Это крайне важно подчеркнуть особо, ибо не орудия производства (машины, автоматы и т. д.), а именно люди связаны друг с другом объективно необходимыми, независимыми от их воли и сознания производственными отношениями, вне которых вообще не может осуществляться какое-либо производство.

Кроме того, абсолютную автоматизацию всех производственных процессов, всех без исключения участков производства можно представить себе лишь теоретически, имея в виду тенденцию развития автоматизации. Следует, по-видимому, допустить, что сохранятся участки производства, где полная автоматизация будет трудно осуществима или просто невыгодна для трудящихся. На этих участках еще продолжительное время может сохраниться физический труд, в том своем значении, каким он был в период, предшествующий автоматизации.

Все это говорит о том, что из того, что автоматизация предполагает сочетание функции умственного и физического труда в машине, а также создает технические возможности для полной ликвидации как тяжелого, мускульного, так и ручного, однообразного труда, не следует делать вывода о том, что автоматизация уничтожает различие в видах труда вообще и, в частности, различие между планирующей и производящей деятельностью, между умственным и физическим трудом: общественное

производство не может существовать без того, чтобы планировать производство и производить на основе планирования. В этом своем содержании категории умственного и физического труда сохраняют свое существование.

Что же касается физического и умственного труда вообще, как определенной работы, совершаемой путем приведения в действие сенсомоторных или интеллектуальных способностей человека, то и в этом отношении автоматизация служит развитию и тех других способностей, конечно, при условии, если она осуществляется в гармонически организованном, коммунистическом обществе. Проф. Б. Г. Ананьев, резко возражая против утверждений о том, будто бы с успехами автоматизации «умственный труд полностью вытесняет физический»¹², пишет: «...не только физический, но и умственный труд предполагает наличие так называемых физических способностей, под которыми понимаются сенсомоторные качества, готовность человека к продуктивной работе в определенных отношениях, которая требует объединения анализаторов и эффекторов при оперировании с известными предметами труда. Для ученого, инженера, агронома, педагога сенсомоторная культура наблюдения и система моторных умений необходимы также, как для художника, музыканта, писателя необходимы развитые цветовосприятие, музыкальный слух, наглядные образы в мышлении, сочетаемые со сложнейшими моторными навыками и умениями»¹³.

Обращая особое внимание на тот вред, который приносит непонимание этой простой истины в деле воспитания подрастающих поколений, ориентируемых на «нажатие кнопки», проф. Ананьев особенно подчеркивает положительное значение автоматизации в развитии различных человеческих способностей. Автоматизация рассчитана «не только на мыслящего, но и на ощущающего человека» — пишет он. «С автоматизацией производства возрастает значение срочных и точных сенсомоторных реакций, опосредованных системой технических знаний и развитым логическим мышлением»¹⁴. Одностороннее развитие человека, его калечение, нервное или физическое перенапряжение не является следствием автоматизации как таковой. Все это — социальные последствия автоматизации, рожденные капиталистической системой производства, стремящейся сохранить и закрепить функции умственного и физического труда за социально-определенными группами общества. Ведь в то же время известно, что в противоположность этому коммунистическое общество, наиболее последовательно разрешающее проблему комплексной автоматизации, категорически не приемлет одностороннее развитие человека. Трудящийся при коммунизме должен быть и коммунистически

¹² Б. Г. Ананьев. Психология чувственного познания. Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, М., 1960, стр. 50.

¹³ Там же, стр. 51.

¹⁴ Там же, стр. 50.

сознательным, и высокообразованным, и способным как к умственному, так и к физическому труду¹⁵.

Из того, что автоматизация предполагает **сочетание умственного и физического труда в машине**, а также создает технические возможности для полной ликвидации как тяжелого мускульного, так и однообразного механического труда отнюдь не следует, что автоматизация сама по себе может изменить характер общественного разделения труда: сопоставление методов внедрения автоматической техники при капитализме и социализме и их социальные последствия силой новых фактов и обобщений подтверждают классическую марксистскую мысль о том, что развитие техники, взятое в отрыве от общественно-экономических закономерностей, не в состоянии разрешить социальных проблем, стоящих перед человечеством. Автоматизация, проводимая в капиталистическом обществе, но только не способствует ликвидации существенных различий между умственным и физическим трудом, но, напротив, она в еще большей степени углубляет и обостряет противоположность между ними.

Те возможности, которые содержит в себе автоматическое производство в вопросе разрешения противоположности между умственным и физическим трудом, полностью реализуются в коммунистическом обществе. В новой Программе КПСС процесс «органического соединения умственного и физического труда в производственной деятельности людей»¹⁶ непосредственно связывается с подъемом культурно-технического уровня людей физического труда до уровня людей умственного труда, осуществляемым лишь в гармонически организованном обществе. При коммунизме характер труда изменяется существенным образом: ликвидируя грани между классами и существенные различия между умственным и физическим трудом, коммунизм уничтожает веками закрепленное разделение труда между социально-определенными группами и создает все условия для гармонического развития всех человеческих способностей.

Автоматизация создает технические возможности для нового разделения труда, коммунистический строй — общественно-экономические условия для уничтожения всех противоречий производственной деятельности людей. Но ни автоматизация, ни коммунизм не уничтожают ни труд, ни разделение труда вообще и ни разделение его на производящую и планирующую деятельность, в частности. «Коммунисты, — говорил Н. С. Хрущев на XXII съезде КПСС, — поставили целью освободить людей не от труда, а от эксплуатации их труда», потому что «труд всегда был и будет источником существования и развития людей»¹⁷. При коммунизме он перестает быть односторонней деятельностью: развитое коммунистическое общество создаст все условия для того, чтобы каждый тружени-

¹⁵ См. Программа КПСС (проект), стр. 124.

¹⁶ Программа КПСС (проект), стр. 64.

¹⁷ Н. С. Хрущев. О Программе Коммунистической партии Советского Союза. Доклад на XXII съезде Коммунистической партии Советского Союза, 18 октября 1961 года. Газ. «Правда», 19.X.1961 г.

ник мог сочетать умственный труд с физическим, производящую деятельность с планирующей.

В развитии нашего общества наступил исторический период исключительной значимости. В СССР непосредственно разрешается всемирно-историческая задача построения бесклассового коммунистического общества, которое объединит всесторонне развитых и свободных людей труда. И именно в этот период завершается и культурная революция в нашем обществе, которая на этом своем завершающем этапе разрешит вековую проблему умственного и физического труда. Новый подъем культурно-технического уровня всех рабочих и крестьян до уровня интеллигенции приведет к тому, что существенные различия между умственным и физическим трудом будут в основном устранены, а это приведет к еще более полному оснащению производства высшей машинной техникой и к еще более совершенному ее освоению миллионами трудящихся коммунистического общества.